

Максим Михайлов

**Веселые рассказы о
людях в погонах**

Двухгадюшник

Максим Михайлов
Двухгадюшник (сборник)

«Станислав Щербаков»

2012

Михайлов М.

Двухгадюшник (сборник) / М. Михайлов — «Станислав Щербаков», 2012

Сборник коротких армейских баек, анекдотических ситуаций случившихся с автором и его друзьями в пору военной службы. Со смехом о серьезном и серьезно о смешном!

Содержание

Двухгадюшник	5
Принцип единоначалия	9
«Дикая дивизия» в обороне	15
Исход	21
Смерти вопреки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Максим Михайлов

Рассказы

Двухгадюшник

Это слово особое. Из нескольких тысяч слов составляющих великий и могучий русский язык есть только несколько десятков тех, которые не затерлись от привычного каждодневного употребления и рожают отклик в душе слышащего их. У любого кадрового офицера слово «двухгадюшник» такой отклик вызывает однозначно, причем в зависимости от личной погруженности в проблему, обозначенную этим понятием, сила отклика варьируется от презрительной улыбки, до неудержимого приступа тошноты. Первоначально «двухгадюшник» в процессе эволюции произошел от «двухгодичника» так назывался человек по сущему недоразумению надевший военную форму после окончания гражданского ВУЗа, сроком на два года в звании лейтенант, еще порой кадровые офицеры зовут таких «тоже лейтенанты» – первое слово обязательно подчеркивается голосовой интонацией. Итак лейтенант-«двухгадюшник» в эволюционной цепочке Homo militaries (человека военного) находится где-то на предпоследнем месте снизу – между солдатом первогодком и прослужившим год черпаком. Конечно при большой сообразительности, огромном упорстве и некоем мазохизме он может со временем поднять свой статус почти до царя военной природы – полковника, или даже генерала, а то и стать венцом военного творения (вспомните кто у нас министр обороны). Но сразу оговоримся, что такие случаи чрезвычайно редки, как правило, средний двухгадюшник мелок, прожорлив, ленив и несообразителен, а, следовательно, практически не имеет шансов пробиться на верх военной пищевой цепочки.

На нашем полигоне в свое время, генерал приказал всем офицерам в обязательном порядке носить на форме значки об образовании. Так многие полигоновские негодяи, в жизни не имевшие отношения к институтам и студенческой вольности, а закончившие нормальные военные училища, все же поналепили на грудь гражданские ромбики. Спросите зачем? Увидев гражданский ромбик и сообразив, что перед ним ни кто иной, как задержавшийся в армии «двухгадюшник» любой командир и начальник только махал рукой, не желая тратить время и силы на воспитание заведомо бестолкового офицера.

Лейтенант Веня Дмитриенко прибыл на испытательный полигон в конце лета, он закончил какой-то провинциальный филиал МАИ и на этом основании кто-то в Главном Управлении Кадров решил, что Веня вполне сможет заняться испытанием ракет. Решения Главного Управления Кадров, как и пути Господни, порой неисповедимы. На нашем полигоне встречались субъекты и почище чем выпускник МАИ – было несколько моряков, пара десантников, а однажды даже неведомым образом у нас очутился военный переводчик. Так что в явлении Вени никто не усмотрел бы ничего экстраординарного, если бы сразу же на остановке автобуса пришедшего с вокзала он не повстречал начальника штаба полигона полковника Злобнотворского.

Как уже говорилось, прибыл к нам Веня в конце лета, жара под пятьдесят, горячий ветер бьет в лицо как из открытой духовки и ко всему еще пыльные дожди. Это когда идет дождь, но от жары капли воды испаряются в воздухе, не долетая до земли, а вниз вместо желанной влаги валится пыль. Надо сказать, Веня весьма гордился своим новым положением в обществе, поэтому приехал не как нормальный человек в майке и спортивных штанах, а полностью в лейтенантской форме. Но жара с непривычки подействовала на него довольно сильно, потому из автобуса он выходил без пилотки и в полностью расстегнутой рубашке, из-под которой весело выглядывала майка с Микки Маусом. Стоявшего на остановке начальника штаба от его вида

чуть не хватил удар. Полковник Злобнотворский известен был своим диким, необузданным нравом и фанатичной верой в то, что только скрупулезное соблюдение всех канонов ношения военной формы одежды и отличная строевая выучка отличают российского офицера от обезьяны. А потому, когда полковник замечал у офицера хоть малейшее отклонение в этих двух важнейших вопросах, он буквально зверел. Обычно, когда Злобнотворский выбирался из штаба и отправлялся в путешествие по городку, неважно куда и зачем, на его пути все мгновенно вымирало, всякая жизнь останавливалась, а любое существо в погонах готово было испариться на месте или забиться в какую-нибудь щель лишь бы его не заметили. Можете себе представить какое впечатление произвел Веня со своим Микки Маусом на начальника штаба. А уж как впечатлился сам Веня, когда с первых же шагов по земле полигона на него вдруг надвинулось нечто, полтора центнера живого веса, воняющего потом и вчерашним перегаром, и заорало прямо в лицо:

– Лейтенант!!! Па-а-ачему в таком виде!

– Жарко, употел совсем, – простодушно глядя в глаза дяденьке-полковнику, начал Веня. – Знаете, я только сегодня приехал сюда на поезде. Так представляете, всю дорогу кондиционер в вагоне не работал. Я проводника спрашивал, в чем причина, а он...

– Лейтенант!!! – взвыл начальник штаба, чувствуя, что от возмущения у него перехватывает горло.

– Вот я и говорю, – участливо продолжал Веня, удивленно наблюдая, как у дяденьки багровеет лицо и выкатываются глаза. – Как вы в такой жаре живете, это же не возможно. В автобусе ехал тоже такая духотища, и почему ученые до сих пор тропическую форму не придумали. А может она и есть, просто нам не выдают, как считаете?

Злобнотворский судорожно сглотнул, пытаясь проглотить застрявший в горле комок яростного возмущения, и вдруг его качнуло, лейтенант поплыл перед глазами. Далеко и глухо как сквозь вату донеслось:

– В такую жару немудрено и тепловой удар получить. Вы бы тоже расстегнули рубашечку, да и галстук, наверное, на шею давит.

Начальник штаба еще попытался отмахнуться от тянущихся к его галстуку лейтенантских рук, но тут земля под ногами неожиданно вздыбилась как норовистый конь и прыгнула к полковничьему лицу. Последним, что увидел Злобнотворский, был Микки Маус злорадно подмигнувший с лейтенантской груди.

В госпитале военные медики констатировали тепловой удар, спровоцированный жарой, нервным истощением и неожиданным стрессом.

После такого громкого прибытия Веня заслужил почетное прозвище Антиполковник.

* * *

Кадровик полигона изрядно помучился, подыскивая для Вени должность. Начальники научных отделов, все полковники, между прочим, от такого сомнительного приобретения отказались наотрез. В солдатские подразделения отправлять подобного кадра было по меньшей мере глупо. Закрытая для посторонних высшая каста работников тыла лишь презрительно пожала плечами и не захотела принять в свои ряды новоявленного защитника Отечества. Наконец после долгих уговоров и нескольких литров спирта, Веню пригрела служба РАВ (служба ракетно-артиллерийского вооружения). Должность начальника отделения хранения, на которую определили Веню, тяжелой и напряжной никак не назовешь. Есть здоровенный металлический ангар, в нем широкий центральный проход, а по бокам стеллажи со всякой всячиной. Вот собственно и все. Сидишь целый день в ангаре, принесли накладную, выдал то, что в ней написано, остальное время свободен, обезьяна справится.

Но двухгадюшник Веня в отличие от обезьяны имел беспокойный пытливый ум, который не позволял ему целыми днями пребывать в пошлой праздности, а настойчиво требовал постоянного притока новых знаний, событий и впечатлений. На вопрос, как ему вообще в голову пришла такая идея, Веня впоследствии отвечал одной сакраментальной фразой: «А чо? Я же только поглядеть хотел чего у него внутри...» У него, это у движка от ПТУРСа (противотанковый реактивный снаряд). Этот движок представляет из себя большую металлическую трубу зеленого цвета набитую твердым ракетным топливом. До появления Вени на складе он пролежал там уже несколько лет и никому не был нужен, и все было хорошо. Но обстоятельства изменились, и в недобрый час движок попался на глаза двухгадюшнику. Два дня Веня решался, ходил вокруг зеленой трубы и облизывался, останавливало соображение, что эта штука может вдруг кому-нибудь понадобится. Но любопытство настойчиво зудело внутри, побуждая к действию, и вот на третий день наш герой не выдержал. Обстоятельства располагали – на складе он остался в полном одиночестве, и прибытия нежелательных свидетелей тоже не ожидалось. Повертев вожделенную штуковину в руках, Веня принял решение для начала распилить ее по полам ножовкой для металла. Для пущего удобства штуковина была зажата в тиски на огромном столярном верстаке. Веня с решительным видом и ножовкой в руке приступил к эксперименту. «Ширк, ширк» – мерно скребла ножовка в руках двухгадюшника, Веня что-то напевал себе под нос ей в такт, металл мало-помалу поддавался его усилиям. И вдруг штуковина в тисках зашипела на лейтенанта как рассерженная кошка, и из нее повалил дым. Как и следовало ожидать, нагретый Вениными стараниями топливный заряд воспламенился и движок запустился.

Приехавший на склад сдавать гильзы от снарядов «Тунгуски» прапорщик, потом долго еще заикался. Едва он открыл массивную входную дверь ангара, его глазам представилась картина из американских фильмов ужасов. По центральному проходу огромными скачками, таких не постыдился бы и гепард, выпучив глаза, неся двухгадюшник Веня, а за ним исходя дымом и пламенем с ужасным грохотом скакал внезапно оживший столярный верстак. Прапорщика эта картина настолько впечатлила, что, придя домой, он рассказал жене: «Такую жуть видел лишь раз! В детстве, в книжке про Мойдодыра. Но живой верстак гораздо круче говорящего умывальника».

– Это же киллер!!! – орал на совещании генерал. – Ниндзя! Его специально на нас наслали! Пока всех не перебьет, не успокоится!!! Вы как хотите, а я с завтрашнего дня хожу только с личной охраной!

Киллер Веня скромно краснел в углу.

* * *

После этого случая Веню отказались терпеть в службе РАВ, и по приказу начальника полигона, лейтенанта перевели в отдел воспитательной работы. «Там сильно не нагадит!» – довольно потер руки генерал, издевательски подмигнув главному замполиту. Рависты были так рады уходу Вени, что даже не стали требовать с него восстановления разнесенного живым верстаком склада.

* * *

Начался новый виток военной карьеры двухгадюшника, на этот раз в стане воспитательных работников, призванных «глаголом жечь сердца людей». Произошло это как раз в канун Нового года. Этот святой для каждого русского человека праздник, в отделе воспитательной работы ждали с неприкрытым страхом. Если все нормальные люди в праздники отдыхают, конечно когда не заступают в наряд, то у замполитов в праздники самый разгар работы. Дел

по горло: для бойцов организовать мероприятия выходного дня, обеспечить для офицеров и их жен концерт самодеятельности, нарядить елку на центральной площади городка, еще одну на плацу в казарменной зоне, выпросить у начальника штаба офицеров для охраны елок, чтоб игрушки не растащили да мало ли что еще. Вобщем трудятся замполиты не покладая рук, пардон, обычно не рук, а языка. У них же как, рот закрыл – рабочее место убрано.

А в этот Новый год случилась у замполитов прямо таки катастрофическая неприятность. Прохлопал их главный ушами и вовремя не заказал для полигона елки, а какой же Новый год без елок. Добро бы служили где-нибудь в Подмосковье, съездили в ближайший питомник, договорились и нарубили, ан нет, шалишь, в степном Казахстане елочных питомников днем с огнем не сыщешь. А у начальника полигона была одна маленькая слабость – голубые ели, целая аллея высоких стройных красавиц, специально высаженных, всячески оберегаемых от степных невзгод. Может ностальгия по родине у генерала так проявлялась, может просто хвойный аромат его радовал, только в эту аллею офицерского и солдатского труда было вбухано не меньше, чем во все испытания вместе взятые. Вот на этих то сибирских красавиц и нацелился Главный замполит. Две недели он обхаживал генерала, ходил за ним тенью, вздыхал горестно, падал на колени и бил челом. Наконец к концу второй недели осады генерал сдался.

– Ладно, уговорил, разрешаю обрезать нижние ветви, на метр в высоту. И не больше, смотри у меня!

Главный замполит умчался, радостно вскидывая задом в свой отдел. На беду в воспитательном отделе никого кроме Вени не оказалось, остальные замполиты в поте лица готовились к предстоящему празднику, а двухгадюшнику поручить что-либо просто побоялись. В другое время Главный замполит тысячу раз подумал бы прежде чем возложить такую ответственную задачу на Веню, но сейчас он был слишком окрылен победой над начальником полигона, любил весь мир и на время утратил присущее всем замполитам чувство самосохранения.

– Значит так, – обратился он к скучающему за столом двухгадюшнику. – Бегом в автопарк, там возьмешь машину. Едешь на ней к еловой аллее и опиливаешь ели на метр от земли, все ветки кладешь в машину и везешь к штабу. Понял?

Веня быстро закивал в ответ, преданно глядя в глаза начальству.

* * *

После разговора с замполитом у генерала, что называется сердце было не на месте, он уже десять раз успел пожалеть, что сдался на его уговоры и не отстоял своих любимец. Еле дождавшись обеденного перерыва, генерал вышел из штаба и направился к елочной аллее. Шок, который он испытал там, едва не свел его в могилу. Вся правая сторона аллеи щетинилась аккуратными елочными пеньками ровно в метр высотой. А по левой стороне навстречу начальнику полигона бодрым шагом двигался радостно улыбавшийся Веня с бензопилой на плече. За ним, тихо шурша шинами, полз ГАЗ-66 кузов которого доверху был завален голубыми елями. Оцепенев, как в страшном сне, когда нет сил, чтобы прервать кошмар, генерал молча наблюдал, как, подойдя к очередной ели, Веня взвизгнул пилой, и с таким трудом взлеянная в чуждом климате гордая красавица со стоном опустилась на асфальт. За спиной Вени топорщились такие же аккуратные, ровно один метр, пеньки, как и на правой стороне аллеи.

* * *

Через две недели Веню перевели в Москву, в один из военных научных институтов, при этом подло кинув блатного капитана, имевшего волосатую лапу аж в самом Министерстве, и тоже рассчитывавшего на это место. Провожал Веню весь полигон. Сам генерал долго тряс его руку, как заклинание снова и снова повторяя: «Ну, надеюсь, больше не встретимся...»

Принцип единоначалия

Командир сошел с ума...

Случилось сие несчастье неожиданно, ничто не предвещало беды. Еще с утра «дедушка» был совершенно в порядке – здоров телом, бодр и молод душой. С грацией юного неполовозрелого гиппопотама он выпрыгнул из служебной «Волги», обрызгал слюной и изругал на чем свет стоит не слишком расторопно подскочившего дежурного, а потом важный и исполненный сознания собственного величия проследовал в кабинет. Спустя десять минут в дверь командирской резиденции бочком протиснулся начальник штаба для ежеутреннего доклада о состоянии дел. Оплеванный и измазанный дерьмом заодно со всей родней до седьмого колена дежурный затаился в коридоре поглядывая на часы и злорадно предвкушая грядущие события. С момента торжественного антре начальника штаба прошло три минуты.

– И-и-и-я! – раздался каратистский вопль отлично слышимый даже через двойные двери.

Дежурный ухмыльнулся и засекал время – три минуты пятнадцать секунд. Весьма средний результат, свидетельствующий о том, что «дедушка» сегодня в благодушном настроении.

– И-и-и-я! – вновь взвыл командир. – И-я сколько раз предупреждал!!! И-и-я сколько тебе, тупому бамбуку, говорил! Раз спи..., тьфу, блин... Взяли! Раз взяли, соляру со склада, так спишите по нормальному. Продали на кошару казахам, да и хрен с вами! Но в документах все должно быть проведено! Липа, б..., б..., тьфу, блин, должна быть липовой, а не дубовой!

Надо сказать, что командир активно готовился к скорому увольнению в запас и предстоящей вольной гражданской жизни, а потому упорно изживал из своего лексикона привычные матерные обороты.

– Тащ командир, да мы..., ну, тащ полковник...

– Что тащ, тащ? Да мне по х... хр..., тьфу! Все равно! Во! Мне все равно, куда вы соляру подевали! Ты посмотри, что в акте написано! Испарилась! В виду неплотно закрытой крышки резервуара! Лом в прошлом году сгорел! Тридцать курток утепленных унесло ураганным ветром! В следующий раз у вас инопланетяне прилетят и помылят тушенку с продсклада, для космических опытов. Точно, так и напиши – прилетели инопланетяне, и спи..., черт, взяли... Взяли со склада соляру, вместе с му..., блин, с чудачком зампотылом! На Сириус!

Дежурный по части в коридоре удовлетворенно потер руки. В свете последних событий «дедушка» вряд ли вспомнит в ближайшее время о не слишком почтительной встрече, а значит можно спокойно отправляться в дежурку на топчан для честно заслуженного отдыха. Отходя на цыпочках от командирской двери, дежурный мурлыкал под нос песенку:

Весь начищен и наглажен,
На боку пистоль прилажен,
Не какой-нибудь там хер,
А дежурный офицер!
И обязанность его —
Целый день смотреть в окно,
А увидев генерала,
Заорать во все хлебало

– А меня это меньше всего е..., тьфу... волнует! – ударил его в спину командирский рык из кабинета. Быстро скосив глаза и убедившись, что дверь в «логово зверя» надежно заперта, дежурный изобразил на паркете штабного коридора замысловатое танцевальное па и смачно закончил:

Что в отсутствие его
Не случилось ничего!

Ну такое, что «не случилось ничего» бывает крайне редко, по крайней мере в наших славных Вооруженных Силах, поэтому в кабинете командира начальник штаба потев от напряжения получал очередной разнос. Ибо, чтобы не произошло во вверенном подразделении, по большому счету отвечает за это командир – даже если он в момент происшествия мирно дрых в супружеской постели (а так оно обычно и случается), даже если уезжал в важную и ответственную командировку для обсуждения или согласования чего-то там непонятного (в такие командировки обычно ездят командиры и начальники), даже если отлеживался в госпитале, обнаружив у себя какую-то экзотическую болячку. Короче, где бы командир не находился в момент происшествия – виноват в нем в первую очередь он. Что поделать – принцип единоначалия! Один за всех, и все на одного! Или как-то еще в этом роде... Зато в своей части командир – Царь и Бог, для всего личного состава, вершитель судеб и отец родной. Так вот и уравниваются почти неограниченная власть с вовсе неограниченной ответственностью. Потому и рычит командир на начальника штаба – знает, итоговый спрос будет с него, а уже он, потом настоящих виновников сам к ответу призовет. И размер этого ответа будет напрямую зависеть от величины пистона доставшегося командиру.

На закуску под конец доклада начальник штаба поведал еще об одном ночном происшествии. В этот раз накосячил стоящий в карауле рядовой Дмитренко. Пикантность происшествия заключалась в том, что рядовой Дмитренко был негром! С абсолютно черной африканской кожей и жесткими кучеряшками на голове.

Папа рядового Дмитренко – сын какого-то мелкого королька-людоеда с Берега Слоновой Кости, или откуда-то еще в том же роде, прибыл в обновленную Россию для учебы в финансовой академии. Уж не знаю, в свете последних экономических событий, кого могут выучить наши финансисты, разве что действительно только африканского туземца. Но папа рядового Дмитренко успешно обучился, оставил на память одной из многочисленных подруг беззаботной студенческой юности образец негритосовского генофонда и убыл поднимать на мировой уровень состояние финансов родного людоедского племени не оставив обратного адреса. Естественно разыскивать его на манер капитана Гранта по тридцать седьмой параллели было делом бесперспективным. Хрупкая блондинка – подруга нашего Лумумбы какое-то время поплакала, погоревала, но делать нечего – в положенный срок родила рядового Дмитренко. Очень долго смеялись тетки в ЗАГСе, записывая в свидетельстве о рождении абсолютно черного малыша национальность по матери – белорус. Ну а потом, выполняя спущенный сверху план по призыву, белоруса выдернул местный военкомат для исполнения священного долга каждого негра – служить своей матери России.

Вот так, вкратце можно изложить предысторию, появления «колониальных резервов» в составе караула нашей испытательной базы.

Косяк же, упоротый этим самым «резервом» был в общем-то стандартным для любого караула – случайный выстрел. Точнее три выстрела очередью. Такое частенько бывает, особенно под утро, когда вконец обалдевший от желания спать личный состав начинает действовать абсолютно на автопилоте, напоминая оживших зомби. Вот и рядовой Дмитренко, вернувшись с поста и разряжая автомат, браво передернул затвор и заученно произвел контрольный спуск, не отсоединяя магазина. Предохранитель стоял на «АВ», и три пули с характерным хрустом ушли в пулеулавливатель. Практически мгновенно боец получил увесистый подзатыльник от начальника караула и мощный пинок в задницу от разводящего, что заставило его тут же окончательно проснуться и вспомнить о непреходящих жизненных ценностях, а именно о мерах безопасности при обращении с оружием. Убедившись, что Дмитренко пришел в чувство,

и лично отсоединив забытый магазин, начальник караула добавил к воспитательному процессу краткую лекцию о международном положении.

– Олень ягельный! Тунгус! Ты что же это, жопа с ушами, творишь?!

И далее в том же духе в течение минут так десяти. Начальник караула ранее проходил службу в СибВО. История умалчивает, чем ему в этот период досадили местные аборигены, но всех людей делающих, по его мнению, что-то не правильное и неразумное он с тех пор звал тунгусами и вообще мог довольно долго распространяться на олень-ягельную тематику.

Закончив с ритуальным поминанием тяжких будней оленеводов, начальник караула произвел ряд вполне конкретных действий по выправлению возникшей ситуации. А именно позвонил дежурному по части и, рассказав о происшедшем конфузе, попросил узнать в роте охраны, нет ли там случайно неучтенных патронов 5,45 мм. Разумеется, искомые патроны «случайно» в роте оказались и были ему доставлены в течение ближайшего часа, после чего их торжественно вручили негодяю Дмитренко с кратким рассказом о том, какое мнение о внуке людоедского короля сложилось у командования роты после непланового подъема среди ночи.

На этом инцидент можно было бы считать исчерпанным если бы... Это самое «если бы» очень часто вмешивается в ход событий в нашей славной Краснознаменной. И тогда казалось бы самая безобидная ситуация вырастает до размеров вселенской трагедии.

В этот раз упомянутое «если» приняло обличье директивы Главкома РВСН ЛЬ (длинный ряд цифр через дроби) от позавчерашнего числа. Эту директиву начальник штаба принес командиру для ознакомления.

– Ну что там еще им надо? – тоскливо протянул командир, разглядывая поданный документ. – Расскажи своими словами, только коротко.

– Ну дело в том, что по этой директиве командир теперь не отвечает за проступки подчиненных...

– Ну-ка, ну-ка, – живо заинтересовался командир. – Дай сюда я сам почитаю.

Несколько минут в кабинете висела гробовая тишина – командир переваривал информацию. Вот тут то ему мозги и перекошило! И не удивительно, воспитанный в лучших советских традициях, командир даже представить не мог такой лафы, чтобы вдруг не ответить за бестолкового подчиненного. А тут на тебе, дождались...

– Ага... – наконец сказал «дедушка». – «Исключить практику привлечения к ответственности командиров (начальников) за проступки связанные с личной недисциплинированностью подчиненных, при условии своевременного доклада о них». Вот я вам, б... (от волнения командир даже позабыл об изживании матерного лексикона), вот я вам теперь устрою! А то привыкли за моей задницей прятаться, а она, между прочим, тоже не железная, хоть и бронированная как у крокодила!

Злорадно усмехаясь, командир схватил трубку телефона дальней связи и молодецкато рывкнул в мембрану.

– Тащ генерал! Докладывает начальник испытательного центра полковник Перезверев! Сегодня ночью в карауле произведен случайный выстрел! Что? Нет, никого не убило! Очередь ушла в пулеулавливатель! Как зачем докладываю? Потому что обязан! Здоров? Я? Абсолютно здоров, тащ генерал! Согласно директиве номер (длинный ряд цифр с дробями) ничего от Вас не скрываю, докладываю сразу по происшествии... Что? Чем не маяться! Плохо Вас слышу... А! Есть! Есть не маяться херней, тащ генерал! Никак нет, тащ генерал, не издеваюсь! Есть засунуть в задницу директиву! Виноват, тащ генерал, есть не отвлекать всякой хренотенью!

Командир бросил трубку на рычаги и гневно обзрел с ног до головы давящегося смехом, но старательно натягивающего на лицо мину исполнительного служаки начальника штаба.

– Что ты ржешь? Я вот сейчас еще в прокуратуру позвоню, и тогда посмотрим, как ты ржать будешь! Знаешь, кто за организацию караульной службы отвечает? Что ты на меня смот-

ришь? Думаешь, я? А вот хрен тебе по всей морде! Начальник штаба отвечает! А в прокуратуру по факту применения оружия я доложить обязан! Вот тогда поулыбаешься!

Строго говоря, пальбу в пулеулавливатель применением оружия можно было считать только с очень большой натяжкой, но командиру, что называется, возжа под хвост попала. Очень уж ему хотелось, чтобы кто-нибудь со стороны вздрючил ненавистного начальника штаба, блатного карьериста и академика, которому сам командир, из опасения перед высокими покровителями подчиненного, мало что мог сделать.

– Алло, прокуратура? Кто это? А, вы то мне и нужны, товарищ капитан! Значит так, записывайте...

По мере красочного доклада командира начальник штаба краснел и бледнел попеременно.

– А патроны, они заменили неучтенными, оставшимися от последних стрельб, – вдохновенно ябедничал командир. – Что? У кого хранились неучтенные патроны? Не знаю... А это так важно? Что? Статья? Какая еще статья? Незаконное хранение оружия и боеприпасов? Сколько лет? Из-за трех патронов?! Вам без разницы? Ну ладно, я разберусь... Сами приедете? Зачем? Ах, ну да, конечно... Да, жду...

Обескураженный командир осторожно положил трубку и с ненавистью воззрился на начальника штаба.

– Ну что, академик, заварил кашу? Видал, твои патроны под статью попадают!

Начальник штаба ответил командиру уничтожающим взглядом ясно дававшим понять, кого он считает виновником происшествия и выражающим весьма недвусмысленное мнение о начальниках вообще и данном конкретном полковнике в частности.

И началась титаническая работа по замазыванию и переписыванию всевозможных бумажек касающихся применения и закрепления оружия. Сверялись и перedelывались вечно не бьющие списки, заполнялись задним числом журналы инструктажей, переоформлялись ведомости получения и выдачи боеприпасов. Командир как метеор носился между штабом и казармой роты охраны, рыча раненым медведем и «умножая на ноль» всех кто подворачивался под руку.

Одновременно лихорадило и все тыловые службы. Визит прокурорских работников был солидным поводом для волнения. Практически за каждым тыловиком тянулся немалый хвост больших и малых грешков, которые запросто могли повлечь за собой различные неприятности от вычетов из зарплаты, до реальных уголовных дел. Когда Суворов говорил, что любого интенданта через год службы можно смело вешать, он не сильно преувеличивал ситуацию, по крайней мере, если речь идет о наших славных Вооруженных Силах. Теперь все эти тыловые крысы, хорьки и прочие грызуны более мелких масштабов с удивительным проворством тоже кинулись замазывать, подчищать и переписывать. А то кто его знает, чем черт не шутит, пока Бог спит? И все переоформленное, заново распечатанное и изготовленное тащили на подпись командиру. Вылавливали его везде, где бы тот ни пытался скрыться. Даже когда он, окончательно сорвав голос и отупев от чтения различных документов, в отчаянии попытался укрыться в сортире, возле дверей с тривиальной буквой «М» мгновенно образовалась очередь бумажных страдалцев, деликатно покашливавшая и скребшая ногтями требуя, чтобы их выслушали и даровали вожде ленную, снимающую ответственность подпись. За три часа прошедших с утра до приезда прокурорской бригады командир роздал столько автографов, что иной эстрадной звезде и не снилось.

И вот свершилось, истошно мявкнув клаксоном через ворота КПП в часть влетела прокурорская «Волга», лихо тормознула перед штабным крыльцом и будто взорвалась изнутри – с таким проворством брызнули из нее в разные стороны, растекаясь по всем закоулкам, аккуратные молодые ребяташки в одинаковых мышинного цвета пиджаках. Было их неприятно много, и они сразу взяли быка за рога. Старший в бригаде деликатно, но твердо отклонил предло-

женную командиром «хлеб, соль», с ходу оккупировал кабинет начальника штаба, и началось. Мышиного цвета ребятишки резво перетряхнули часть вверх дном. С деловым видом перерыли все бумажки, какие нашлись в роте охраны, что-то изъяли, с кем-то просто переговорили, кого-то вызвали на допрос к старшему.

А когда увидели виновника торжества – чернокожего белоруса, напряженно посовещались и куда-то позвонили по мобильнику. После чего старший объявил командиру, что на всякий случай, сейчас подъедут ребята из ФСБ, раз уж в деле замешан африканец. На крик души командира, что этот африканец служит в режимной части больше года, и за это время не имел никаких сношений с черным континентом, мышиный пиджак лишь тонко улыбнулся.

Весть о прибытии представителей ФСБ мгновенно разлетелась по замершей в предвкушении грядущих событий части. Вот тут уже взвыли и научно-испытательные отделы. Над паникой тыловиков перед приездом прокурорских следаков офицеры из «науки» только злобно смеялись. Они никогда ничего не крали, не продавали налево и не списывали задним числом. У них просто не было такой возможности. Поэтому перспективой уголовной ответственности их напугать было весьма сложно. А вот «тыловые крысы» пусть повернутся – жирок растряссти полезно. Теперь же ситуация изменилась кардинально. ФСБ редко интересовалась мелкой «химией» с тушенкой и соляжкой. А вот за режим секретности спросить могла. Да так, что мало не покажется! По части понеслась очередная волна подчисток документов, теперь уже тех, что касались различных секретов. И весь этот вспененный девятый вал вновь выплеснулся на многострадальную лысую голову командира.

* * *

Но всему, в том числе и различным проверкам, приходит когда-нибудь конец. Как говорится, лучше страшный конец, чем бесконечный страх. Солнце начало клониться к закату, так и норовя спрятаться за дальний окоем земли, и активность прибывших чинов заметно пошла на убыль. Первыми убыли, набрав гору различных бумажек и вызвав на завтра к себе в прокуратуру всех виновных, причастных и просто попавшихся под руку, мышиные пиджаки. Чекисты задержались несколько дольше: мило улыбались, знакомились, беседовали, выбирая собеседников по какой-то лишь им самим ведомой системе, в промежутках исподтишка шарили по округе цепкими внимательными взглядами и делали одним им известные выводы. Но вскоре и им надоело, пожав плечами и тепло попрощавшись, убыли восвояси никого на завтра не вызвав. После чего командир сильно зауважал контрразведку.

Уже глубокой ночью, кое-как наведя порядок в разоренной набегом проверяющих документации, часть постепенно забылась горячечным сном. Спал рядовой Дмитренко, беспокойно ворочаясь на продавленной панцирной сетке кровати, и плыла перед ним во сне вольная африканская саванна, по которой почему-то табунами бродили работники прокуратуры и ФСБ. Спал измученный командир роты охраны, расположившись прямо на столе у себя в канцелярии. Спал начальник штаба на старом диване у себя в кабинете. Спал командир, разметавшись по постели, в предутреннем кошмаре вообразив, что в часть приезжает инспекция Министерства Обороны для проверки состояния учета и сбережения оружия и находит следы подчисток в документах, по которым проводили злосчастные три патрона.

* * *

Новый день большинство участников вчерашней драмы встретили в коридорах здания военной прокуратуры. Тщательно готовились к предстоящему допросу, по несколько раз репетировали ответы на самими же придуманные вопросы, стыковали показания. Для поддержания должной бодрости командир лично рассказал несколько тут же придуманных историй

о коварстве прокурорских следователей, которым ради лишней «палки» в отчете ничего не стоит закатать на зону всех присутствующих. И так перепугал народ, что многие начали нервно курить и заикаться, а рядовой Дмитренко всерьез задумался о срочной эмиграции на историческую родину папаша. Смущала лишь перспектива в обязательном порядке есть человечину, но, решил несчастный рядовой, если бы попался кто-нибудь из вчерашних мышинных пиджаков, он, пожалуй, не отказался бы.

Наконец прибыл сам военный прокурор гарнизона – свежий и бодрый, пахнувший дорогим одеколоном, сразу видно хорошо спавший прошедшей ночью. С удивлением обзрев замершую у его кабинета толпу солдат и офицеров, прокурор дружески кивнул командиру и абсолютно буднично и ничуть не зловеще спросил:

– Вы, по какому вопросу, товарищи?

Однако, подготовленные командирскими байками, товарищи тупо молчали, пряча глаза, в задних рядах от звука прокурорского голоса начали падать в обморок, а командир роты охраны вдруг ощутил неудержимое давление в области мочевого пузыря.

– Ладно, – так и не дождавшись ответа, произнес прокурор. – Вас, товарищ полковник, прошу в кабинет. А вы товарищи садитесь, не стойте.

Ответом ему был нервный смешок.

Выслушав командира, прокурор от души посмеялся, извинился за горячность своих подчиненных по таким пустякам оторвавших людей от работы и посоветовал наказать чернокожего бойца своей властью.

– Как своей? – опешил командир. – А я? А все остальные?

– А что вы? – в свою очередь удивился прокурор. – Согласно директиве номер (длинный ряд цифр с дробными) вы за действия подчиненных связанные с их личной недисциплинированностью и халатностью ответственности не несете, равно как и все остальные кого Вы там привели.

* * *

– А в чем мораль? – спросите Вы. А в том, что уж коли ты КОМАНДИР, так судьба твоя такая – первым ответить за нерадивого подчиненного, а только потом самому с него спросить, что бы там не писали товарищи сверху в приказах и директивах (длинный ряд цифр с дробными).

«Дикая дивизия» в обороне

Смена командования для любой части настоящий стресс, оно и понятно «новая метла по-новому метет» пока приспособишься к изменившейся вдруг в одночасье обстановке, пока привыкнешь к новым требованиям – семь потов сойдет. А уж если меняется не просто командир части, а вся часть при этом переходит в подчинение другому виду Вооруженных Сил, то стресс получается не простой, а в квадрате. Ну а если при этом поменять еще место дислокации, то квадрат автоматически перерастает в куб.

Такая примерно история и произошла с одним из наших испытательных полигонов в Казахстане. Министром Обороны в то время был выходец из Ракетных Войск Стратегического Назначения (РВСН), а у нас в армии уж так сложилось, что из какого вида Вооруженных Сил министр, тот и на коне, а остальные, сами понимаете где. Пережили мы к тому времени уже период засилья ВДВ – благо министру не дали толком развернуться, не то уже все ходили бы в беретах, теперь наступил период владычества стратегов. А с испытаниями своего стратегического оружия у них как раз не ладилось – во-первых, дороговаты ракетки, чтобы их часто пулять, во-вторых, инозаказчикам их не продашь, а значит, нет притока иностранной валюты. Так и вышло, что их центральный испытательный полигон практически не работал, а маялся дурью от безделья, выходя на боевые работы, дай Бог раз в год. Оно бы вроде и ничего, но уж больно он стал глаза мозолить, идет период сокращения армии, безжалостно режутся по живому боевые части, а тут сидит сиднем, как Илья Муромец на печи, тысяча офицеров и не знает чем себя занять. Вы чего тут, парни, делаете? Может пора, того, на дембель, поднимать народное хозяйство? «Э нет! – отвечают. – Мы стране абсолютно необходимы, ракетный щит как никак! А напрягаться сильно нам и не надо, вдруг третья мировая завтра грянет, а мы уставшие».

Вобщем смотрел на это министр, смотрел, да и решил в один прекрасный день, оживить полигон стратегов притоком свежей крови. А для этого отыскивали в Казахстане полигон ПВО, на котором боевые работы проводили чуть не каждую неделю. Противовоздушная война – тема популярная, наши бывшие вероятные противники (ныне невероятные друзья), только и делают, что накладывают сверху то одним, то другим. Так что и собственному ВПК, выпускающему зенитные ракеты, расслабляться некогда, и иностранцы-экспортеры, всегда готовы прикупить чего-нибудь противовоздушного. А значит и полигон живет: что свои сконструировали новую ракету – привезли на испытания, что чужие закупили – опять привезли, посмотреть же надо как летает, да и расчеты иностранные кто лучше испытателей обучит.

Начали с того, что задались вопросом: «А не дорого ли обходится аренда земли под полигон у Казахстана?» Посчитали – дорого! И следующая мысль: «А на фига нам эти деньги платить? Что в России матушке земли мало? Пусть пуляют у себя дома, нечего в казну государствену лапу запускать, народные деньги на ветер разбазаривать!» Сказано-сделано, приехала на полигон депутатская комиссия из Гос. Думы, походила, носами покрутила и вынесла вердикт: «Казахам более за аренду не платить, а все войска вернуть на Родину, заниматься ратными делами на полигоне РВСН!» И как не билось полигоновское начальство, как не брызгало пеной у карты, доказывая, что тот полигон под большие стратегические ракеты предназначен, и всех боевых полей у него, только чтоб в зоне старта никого не убило, а падают их птички далеко на Камчатке, зенитные же ракеты требуют километров двести, как минимум, свободного пространства без населения, ничего не помогло. А там и приказ оформили – долго что ли, раз, два и готово. Переподчинили РВСН, предписали в кратчайшие сроки передислоцироваться в Россию на полигон ракетных войск, не прерывая испытаний и не срывая работ.

Теперь на Центральный Командный Пункт РВСН шли бравые доклады о том, что на их полигоне проведено за год шестьдесят работ, вместо двух прошлогодних – сразу ясно, нельзя

полигон сокращать, офицеры нужным делом заняты! О том, что испытания вовсе не стратегические, а в основном техники ПВО в победных рапортах стыдливо умалчивали. А то, что пришлось под зенитные ракеты опять боевые поля у сопредельного Казахстана арендовать, да раза в полтора дороже, чем раньше, уже вопрос десятый, так глубоко никто копать не станет. Ну и денежки, конечно, пошли – хочешь испытывать, плати! Само собой деньги шли не испытателям в карман. А куда же? Честно отвечаю, не знаю. Договора на пару миллионов рублей за испытания видел, а вот деньги, все как-то мимо.

Врать не буду, зенитчиков встретили на ракетном полигоне, как родных: выделили отдельную площадку, построили под офицерские семьи новый дом, главком лично приехал ключи вручать. Правда, куда при этом делись шестьсот оплаченных Министерством Обороны сертификатов на жилье для выходящих из-за рубежа офицеров до сих пор не смог ответить никто. Ну да ладно, не вышло с личным жильем, так хоть со служебным не кинули, могло быть и хуже.

И вот началась новая жизнь и новая служба. Как выразился один из начальников испытательных отделов «существование на стыке двух культур». Изрядно послужившие в Сухопутных Войсках зенитчики долго не могли адаптироваться к требованиям принятым в РВСН. Не хочу обидеть этот славный никогда не воевавший (и не дай Бог) род Вооруженных Сил, но уже в первый же месяц пребывания в их рядах я понял, почему РВСН дразнят «бумажными войсками». От обилия всевозможных бирок, инструкций, карточек и памяток которые должны быть у каждого офицера голова просто шла кругом. Как вам, например, бумажка с надписью «Индивидуальная аптечка», на которой в цвете изображены шприц-тюбики с поясняющими надписями. Каждому офицеру необходимо изготовить такую, раскрасить и носить, не вынимая в левом нарукавном кармане х/б. Когда на строевом смотре я, набравшись наглости, спросил у проверяющего полковника, для чего это, он в ответ дал классический ответ: «У нас так принято! И нечего тут умничать и нарушать порядок!»

Ради интереса я посчитал, сколько всего разнообразных бумажек я должен постоянно носить с собой, оказалось ровно 43 (сорок три!) штуки. Карманы х/б постоянно разбухали, от новых произведений канцелярского искусства, чего там только не было: матрицы, планы, алгоритмы, маршрутные карты, инструкции... Деятельность по перепачкиванию все новых и новых листов бумаги полностью поглотила рабочее время. Испытатели без преувеличения тонули в бумажном море, а поднимающийся все выше и выше девятый вал из директив, приказов и распоряжений, устанавливающих очередные формы бумажек необходимых офицеру, грозил полностью парализовать всю деятельность части. Нет, конечно, я все прекрасно понимаю, возможно офицеру РВСН никак без этой карманной библиотеки не обойтись, оружие то в руках нешуточное, весь земной шарик уничтожить невзначай можно. Забыл чего-нибудь, раз тут же в карман, достал бумажку, прочитал и все в порядке. Но на кой черт вся эта головная боль испытателю техники ПВО? В ответ главный лозунг ракетных войск: «Больше бумаги – чище задница!» Ей-ей не выдумываю, сам слышал от одного их майора.

* * *

Столкновения двух разных культур происходили практически ежедневно. Стратеги в свою очередь искренне удивлялись, как можно так непочтительно относиться к различным бумажкам, и между собой прозвали зенитчиков «дикая дивизия». Мы, впрочем, не возражали и с достоинством носили этот титул. Прибывший на очередную боевую проверяющий и надзирающий полковник из Главного Штаба долго морщил лоб над «Перечнем документов, исполняемых перед проведением испытательных работ» (восемьдесят шесть штук, тоже изобретение стратегов) и, наконец, выдал:

– Покажите мне «Перечень съемных деталей».

– Но на этой ракете ничего не снимается, съемных деталей нет, – робко возразил командир испытательного расчета.

И грянул гром:

– Я Вас не спрашиваю, как устроена эта ракета! Я спрашиваю, где Перечень? Если съемных деталей нет, изготовьте документ как положено по форме и запишите в нем, что съемные детали отсутствуют! Даже странно, что приходится такие элементарные вещи объяснять старшим офицерам.

На следующей боевой полковнику предъявили столь желанный перечень, где шаловливой рукой одного из испытателей был в качестве съемной детали записан защитный колпак, который надевают на ракету при погрузке, дабы случайно не повредить обтекатель. Полковник, к немалому удивлению присутствующих, издевки не понял.

– Ну вот, можете ведь когда хотите! С вами всегда так, пока не напаришь, работать не будете!

Однако и тут не все сошло гладко. Каким-то образом, воспользовавшись предбоевой суматохой, проверяющий улизнул из-под надзора и умудрился сунуть нос в боевую машину. Там его чуть не хватил удар.

– Где инструкции по мерам безопасности при работе?! Они должны висеть на видном месте перед каждым номером боевого расчета! А у Ваших отморожков даже плана-конспекта инструктажа по безопасности не оказалось! Как вы можете так работать! Одно слово «дикая дивизия»!

– Какие инструкции! Куда я их Вам повешу, поверх приборов что ли! – горячился начальник расчета пуска.

– Хоть на жопу себе вешай! – предчувствуя очередной пистон, прошипел в ответ руководитель работ и помчался успокаивать хватающегося за сердце проверяющего.

– Вот, б...! – подвел итог дискуссии начальник расчета. – Пятнадцать лет пускал ракеты без инструкций, а оказывается, все эти годы прошли впустую. Только навредил Родине!

* * *

Но квинтэссенцией идиотизма стала, конечно, командно-штабная тренировка на случай начала войны с подъемом по боевой тревоге и отработкой «Плана первоочередных мероприятий» (тихий ужас и шедевр военной бюрократии). Чтобы было понятно, поясню, испытательный полигон часть совсем не боевая. Чтобы его подняли по тревоге должна начаться Третья Мировая, не меньше. И даже в этом случае ничего особенного на полигоне не произойдет. Просто все испытания пойдут по ускоренной программе в три смены, чтобы успеть обеспечить войска на фронте новой техникой и проверить снятую с длительного хранения. Все! Никаких привычных мероприятий вроде выдвижения в запасные районы и выполнения заранее определенных задач.

Однако РВСН – войска повышенной готовности, потому пару, тройку раз в год в них проводятся масштабные учения на случай войны и заодно с ракетными армиями к ним привлекают и полигоны (по принципу «все так все, нечего отлынивать»). Вы не поверите, главным критерием готовности офицера к войне на полигоне является наличие противогаза. Почему, зачем, никто не знает. Но в дни подобных учений все офицеры, от простого испытателя, до заместителей начальника полигона напяливают на себя противогазные сумки – что в них лежит, уже не важно, но сумка через плечо висеть обязана. Начальник полигона пользуется в этом вопросе известными привилегиями, поэтому сам сумку не носит (за него это делает адъютант), но попадись ему офицер без противогаза – выдерет нещадно.

Кроме того, на подобной «войне» отрабатываются различные вводные: от налета вражеской авиации, до ликвидации волнений среди гражданского населения. Хорошо, когда часть

при этом не загружена испытательными работами, можно без проблем поиграть в солдатики. А вот если в части одновременно идет штук пять различных испытаний, и сидит несколько экспедиций промышленников, их оплативших, тогда сильно не повоюешь. Промышленности ведь от души насрать на все военные приколы, их волнует, чтобы сроки испытаний не срывались. Попробуй скажи им: «Ребята, идите пейте водку в гостинице. Сегодня мы с Вами не работаем – на нас напал условный противник». Вой поднимется до небес, и они будут совершенно правы – нечего херней заниматься. А если попробовать заявить в Главном Штабе: «Господа полковники, нам сейчас в солдатиков играть некогда – у нас испытательные работы», то можно элементарно без погон остаться. Так что приходится как то изворачиваться, чтобы и волки были сыты и овцы целы.

Одно спасение – площадка от Главного Штаба далеко, так что редко какой проверяющий окажется настолько настырным, что туда поедет, а если и поедет, то заранее предупредят, и времени приготовится к встрече вполне хватит.

А еще на «войне» каждая часть разворачивает Командный Пункт – ну принято так в РВСН, что поделать, и вот все эти командные пункты работают в контакте (по телефону) с Главным Командным Пунктом, который находится в Главном Штабе. Оттуда приходят распоряжения на маленькие командные пункты, а обратно стекаются донесения об их выполнении.

И вот на очередной «войне», в «дикой дивизии» развернули командный пункт, его личный состав был представлен старым замшелым майором Волошиным (одним!), почти достигшим предельного возраста пребывания на военной службе. В дикой дивизии, как обычно офицеры разрывались на части от обилия испытательных работ, поэтому выделить на командный пункт кого-нибудь еще просто физически не получалось. Естественно на все «военные» мероприятия, с благословления командира просто плюнули, а отдуваться теперь предстояло Волошину. Командир его проинструктировал так:

– Смотри, Васильич, я тебе доверяю важное дело. Будь всегда на связи, а докладывать можешь, что на ум взбредет. Но если хоть один вояка из Главного Штаба помешает мне проводить испытания – ответишь головой.

Волошин, почесав раннюю лысину, ответил: «Есть!», и война началась. Вскоре из Главного Штаба пришла первая вводная: «В воздушном пространстве полигона обнаружен противник. Два штурмовика тактической авиации наносят ракетно-бомбовые удары. Доложить о потерях и принять меры к ликвидации последствий налета».

«Вот птеродактили, – удивился Волошин. – Они что, тактику вообще в училищах не проходили. Где это видано, устраивать налеты двумя самолетами?», и закрутил диск такого же древнего как он сам телефона.

Едва в Главном Штабе сняли трубку, майор бодро проорал в нее:

– Зенитными средствами части один из самолетов противника сбит, второй поврежден. Поврежденный самолет взял курс на Казахстан. Жертв и разрушений нет. Расход – две ракеты комплекса «Бук»!

Несколько секунд Волошин с наслаждением слушал удивленную паузу, затем аккуратно повесил трубку. Начальник штаба полигона, руководивший учениями получив столь нестандартный доклад (остальные части наперебой сообщали о потерях, развертывании полевых лазаретов и мерах по восстановлению разрушений), наморщил лоб и выдал:

– Передайте им новую вводную. Во время налета разрушен резервуар с соляжкой на складе ГСМ, разлившееся топливо воспламенилось, срочно организовать меры по тушению пожара. Емкость резервуара, ну пусть будет сорок тонн, а то умные слишком.

На отработку этой вводной у Волошина ушло пятнадцать минут. По прошествии этого срока Главный Штаб получил очередной доклад:

– Пожар потушен собственными силами. В резервуаре оказалось только пятьдесят литров соляры, остальное вода. Подозреваем, что заместитель командира части по тылу похитил

топливо и продал казахам на ближайшие кошары. Зам. по тылу взят под стражу, представители военной прокуратуры для проведения следствия вызваны.

После этого Волошина не беспокоили до вечера – переваривали. А часть, не ведая ничего о разыгравшихся на ее территории драмах «бумажной войны», спокойно занималась испытательными работами.

Следующий звонок на командном пункте прозвенел в десять часов вечера.

– Что за бардак! Почему не докладываете обстановку! – бушевал начальник отдела боевой подготовки, на ночное время его оставили старшим в Главном Штабе, и теперь он оправдывал доверие.

Волошин, ни куда особо не торопясь, догрыз галету из сухпайка и доложил:

– У нас все нормально, без происшествий.

– Что нормально! Вы там что, водку жрете! Немедленно доложить по установленной форме!

Со вздохом сожаления отодвинув в сторону только распечатанный паек и открыв шпаргалку с формой доклада, Волошин принялся монотонно нараспев зачитывать:

– Товарищ полковник, докладывает дежурный по командному пункту майор Волошин...

Доклад в исполнении майора занял ровно пятнадцать минут.

– ... передвижения разведывательных и диверсионных групп противника в районе дислокации части наблюдательными постами не зафиксировано. Докладывал майор Волошин.

– Ну вот, слава Богу, разродились! И докладывать каждый час! До утра! Неукоснительно!

Несколько раз браво гаркнув: «Есть, товарищ полковник! Виноват, товарищ полковник!»

Волошин вернулся к прерванному ужину.

В одиннадцать он вновь накрутил знакомый номер и зачитал шпаргалку. На этот раз обошлось без наставлений. «Принял. Занимайтесь!» – сухо проворчал полковник и повесил трубку.

В двенадцать на середине доклада начальство попыталось как-то сократить установленную форму:

– Короче, у вас там все нормально?

– Минуту, товарищ полковник, я докладываю, – отбрил поползновение Волошин. – Подозрительных предметов на территории части при осмотре патрулями не обнаружено...

В итоге доклад продолжался на две минуты дольше. «Противник нервничает», – усмехнулся майор и завел будильник на час ночи.

В час полковник просто бросил трубку. «Эх, не дослушал, не порядок», – решил Волошин и вновь накрутил номер.

– Товарищ полковник, нас разъединили. Так вот...

В ответ из трубки донеслись рыдания.

Волошин добросовестно докладывал об оперативной обстановке каждый час до утра, ни мольбы, ни стоны штабного полковника не могли заставить мстительного майора выбросить хоть слово из «установленной формы». Если в штабе бросали трубку, Волошин тут же перезванивал, и все же добивался чтобы его дослушали до конца. Доложив, майор с чистой совестью передвигал стрелку будильника на час вперед и тут же мирно засыпал на предусмотрительно притащенном из караулки топчане.

Больше, до самого конца «войны» на наш командный пункт не звонил никто.

* * *

Зато конфуз случился в самом Главном Штабе. Для произведения пушного впечатления на проверяющих из Москвы и демонстрации силовых возможностей, начальник полигона приказал выставить у входа в штаб охрану. И около массивных деревянных дверей появился боец из

батальона охраны упакованный в бронезилет, каску и прочие причиндалы полной выкладки, включая сюда и саперную лопатку. В руках бравый воин держал автомат с примкнутым магазином, без патронов разумеется, второй магазин покоился в опечатанном печатью командира батальона под сумке. Естественно, столь колоритная фигура не могла не привлечь внимания московского полковника, и, возвращаясь с обеда, тот поинтересовался у сурового стража:

– А ты чего здесь стоишь, сынок?

Солдат и сам не знал этого, поэтому молча ел глазами начальство. Не дождавшись ответа, москвич попробовал зайти с другой стороны:

– А кто тебя сюда привел?

– Командир роты!

– Вот! – искренне обрадовался за бойца проверяющий. – А какую задачу он тебе поставил?

Солдат силился сообразить, чего от него хочет этот странный полковник, но получалось плохо, поэтому он опять надолго умолк. Пауза затягивалась. Москвич тоже начал нервничать:

– Ну вот командир роты тебя сюда привел. Он ведь должен тебе был задачу поставить? Он тебе что-нибудь сказал, когда уходил?

– Сказал.

– Ну наконец-то! Так что он тебе сказал?

– Не прое... автомат, уе...! – отчеканил солдат.

Чтобы как-то сгладить тягостное впечатление от такой охраны, проверяющего долго отпаивали коньяком, а бойцов со входа в Главный Штаб поспешили убрать от греха подальше. В итоге общая оценка «хорошо» все же была вырвана из приехавшей комиссии, правда в основном, таким образом оценили хлебосольность начальника полигона, а отнюдь не боевую готовность частей.

* * *

Вот так и существует до сих пор испытательный полигон ПВО на стыке двух разных культур и двух разных подходов к службе. Я, конечно, в этом вопросе лицо не беспристрастное, но, честное слово, мне больше симпатичен майор Волошин, чем наши штабные деятели. Хотя возможно, я и не совсем прав, что ж, «история нас рассудит».

Исход

(грустный рассказ)

Полигон умирал. И как многие умирающие напоследок корчился в агонии. В белесое, словно выгоревшее от летней казахстанской жары небо столбами поднимался едкий черный дым. Горели гаражи и сараи, курятники и голубятни которыми обросла жилая зона военного городка за годы своего существования. Пожары пытались тушить ежедневно, но в ночи они вспыхивали вновь – жгли казахи, пьяные от вседозволенности, «военные уходят, теперь эта земля наша, мы здесь хозяева и делать будем все, что захотим», жгли и сами военные, чтобы не досталось никому. Как только слухи о выводе в Россию обрели под собой реальную почву в городке откуда ни возьмись появилось неприятно много желтолицых азиатов, деловито снующих взад вперед, недобрый оценивающим взглядом ощупывающих дома, палисадники, огороды и, конечно, женщин-славянок. В Россию уходили далеко не все, многие в 91-ом году по дуруости согласились принять казахское гражданство, оставаясь жителями военного городка, продолжая получать российскую пенсию или работать вольнонаемными в частях. Теперь они с тоской смотрели на отpravку эшелонов с имуществом и техникой полигона, а соседи-казахи, еще вчера доброжелательно улыбавшиеся при встрече, зло шипели им вслед: «Военные уйдут – начнем резать, за все с вами сочтемся!». За что сочтемся, объяснить не могли ни те, ни другие.

В городок на место постоянной дислокации прибыл батальон казахской армии. Встречали торжественно: парадом, митингом с громкими словами о нерушимой дружбе русского и казахского народа (дежа вю – где-то я уже слышал о такой дружбе, правда, с другим народом и там все очень хреново кончилось), гремел маршами гарнизонный оркестр, генерал общинался с казахским полковником. Вечером произошло массовое побоище между нашими офицерами и казахскими. Перевес оказался на стороне бледнолицых братьев, и визжащую толпу монголоидов все же выкинули из офицерского кафе под аккомпанемент свирепой матерщины и звон разбитых бутылок. Пока сила была на нашей стороне. Черт, «пока» такое быстротечное и ненадежное слово! На утро наш генерал долго бесновался на плацу перед частью, объясняя всем и каждому про принципы международного права и мирного сосуществования различных культур.

– Ну чем вам помешали эти обезьяны?! Ну что, водки в кафе на всех не хватало? Вот послал Бог на мою голову эфиопов, хлебом не корми, дай только кулаки почесать!

– А мы расисты! – пискнул из строя маленький бурят Якимов.

В ответ часть грохнула оглушительным хохотом. Дело в том, что Якимов имел очень характерную восточную внешность и настолько походил на типичного казаха, что те постоянно принимали его за своего. Стоило ему появиться на местном базаре, как продавцы-казахи немедленно начинали заговаривать с ним на своем языке. Якимов раздражался и по-русски объяснял им, что ничего не понимает. Тогда его принимались стыдить, что за казах незнающий родной мовы! А стоило Якимову заявить, что он вовсе не казах, как дело доходило до рукоприкладства: «Как?! Ты еще и от национальности своей отказываешься?!» После нескольких таких неудачных походов расстроенный постоянными происшествиями генерал обозвал Якимова «охотником за звездюлями» и закрепил за ним персональных телохранителей – двух прапорщиков из роты охраны обладавших монументальной внешностью и внушающими почтение кулаками. Так что расизм Якимову казахи в буквальном смысле вколотили в голову.

Генерал переждал взрыв смеха, сам улыбнулся и закончил:

– На первый раз никого не наказываю, может и правильно им вломили. Пусть помнят, что мы пока еще здесь хозяева. Но в дальнейшем предупреждаю – уймись, не доводите до греха. Столько гвардейцев кардинала, выведенных из строя за один день, это слишком много господ.

Фраза из «Трех мушкетеров» произнесенная генералом с легкой усмешкой, естественно, дала понять офицерам, что командир на их стороне и устраивает разнос лишь для проформы. С тех пор побоища случались почти каждую ночь. Надо отдать справедливость нашим узкоглазым «друзьям», бои шли с переменным успехом, нам тоже частенько прилетало на орехи. Тем более по национальному составу казахский батальон был весьма неоднороден, каждой твари по паре. Сам ихний комбат как-то в приступе пьяной откровенности поведал: «Казах-начальник это, конечно, хорошо, но кто-то и работать должен. Поэтому заместитель должен быть русский». Заманивали в батальон и наших офицеров. Как раз в это время в очередной раз обвалился рубль и курс обмена на местные «тугрики» резко скакнул не в нашу пользу. В итоге казахские офицеры ходили крезами и сорили деньгами налево направо. А у наших даже на водку не хватало. Серьезно! Я уж не говорю про хлеб, не хватало даже на водку! Где вы такое видели?! Но надо сказать не знаю ни одного из наших, кто бы согласился, хотя предлагали многим.

* * *

Прямо перед выводом нас почтила посещением высокая комиссия во главе с начальником казахского Генерального Штаба. Казахи хотели заранее присмотреться к своей будущей добыче. А она была весьма солидная – полностью оборудованные площадки с монтажно-испытательными корпусами, оснащенными по последнему слову техники, огромный фонд казарменных помещений, складов, штабных зданий, полностью рабочие котельные и прочее коммунальное хозяйство, наконец – жилой городок, опрятный и ухоженный. Есть на что поглядеть.

К приезду готовились загодя: чистили, драили, убирали, учили наизусть приветственные речи и доклады по проводимым испытаниям. Целая неделя прошла, что называется в кошмарном сне. Наконец самолет с высокими гостями тяжело плюхнулся на бетонку аэродрома. Встречающая делегация во главе с начальником полигона и акимом – местным главой администрации, напряглась в готовности номер раз. Специально обученная и тренированная до седьмого пота команда аэродромных техников подкатила трап. И невысокий кривоногий казах в попугайски раскрашенном камуфляже первым ступил на землю полигона, причем выскочил из чрева самолета он настолько шустро, что один из техников с многозначительным прозвищем Синий Брат, не успел убраться с его пути. Про Синего Брата рассказывали, что однажды, по неизвестной причине он прибыл на службу трезвым, и тогда начальники поняли, что все остальное время он беспробудно пил. Чуть не уволили. С тех пор Синий Брат больше так не рисковал. Вот и сейчас он был весьма под мухой, видимо, поэтому и не успел ускользнуть.

Налитый краснотой нос техника нагло устался прямо в лоб невысокому казаху, слезящиеся глазки в кровавых прожилках блуждали где-то в космических далях, а губы прыгали, пытаясь что-то произнести. Дело в том, что перед ответственной встречей всю команду долго и нудно инструктировали, на всякий случай, вдруг с ними кто-нибудь из прибывших пожелает заговорить. Из всего сказанного тогда Синий Брат запомнил только, что к главному казаху следует обращаться не как к нормальному офицеру «товарищ полковник», а совсем по-дурацки «господин начальник генерального штаба». И вот теперь стоя лицом к лицу с главой столь высокой комиссии он добросовестно пытался извлечь из еле ворочающихся по причине слишком усердной опохмелки речевых органов столь непривычный оборот. Господин начальник генерального штаба с интересом разглядывал мычащего техника и молчал, сосредоточенно соображая не входит ли сие непонятное явление во встречный церемониал и что теперь собственно говоря делать. Почувявшие недоброе штабные клерки уже галопом неслись к месту

действия, даже сам генерал сделал несколько шажков вперед, но они катастрофически не успевали.

Синий Брат, понимая, что надо что-то делать и говорить и спиной, точнее одним чрезвычайно чувствительным у каждого военного местом пониже спины ощущая приближение разгневанного начальства, сделал нечто, существенно обесмертившее его имя. Неожиданно даже для себя он сорвал с головы засаленную кепку и, изобразив что-то среднее между поясным поклоном и кокетливым книксеном густо дохнул в лицо Господина начальника и т. д. свежезакушенным чесноком перегаром:

– Здрассьте!

И все замерли. Клерки застыли в воздухе в позе бегущих оленей. Генерал раскрыл рот, чтобы во всеуслышание изрыгнуть свое мнение об авиации вообще и о Синем Брате в частности, да так и застыл. В наступившей тишине громом прозвучал мягкий шлепок. Это в удивлении от столь торжественной встречи с размаху сел задницей на ступеньку трапа Господин и т. п.

* * *

На следующий день началась работа комиссии по приему имущества, вооружения и зданий полигона новыми хозяевами. Оглушенные свалившейся им на голову ордой приемщиков-азиатов, сбитые с толку суетой и неразберихой российские офицеры тихо матерились на своих рабочих местах, с тоской глядя как уничтожается, растаскивается и попросту ломается то, что совсем недавно составляло саму их жизнь, во что было вложено столько сил и пота.

Капитан Лешка Ратомцев сидел у своего компьютера и напоследок раскладывал пасьянсы. Древний как дерьмо мамонта первый пентиум натужно хрипел кулером в такт невеселым Лешкиным мыслям. Комп несколько лет верой и правдой служивший капитану вдруг в одночасье превратился в собственность Республики Казахстан, и с минуту на минуту ожидалось прибытие казахского приемщика. А вот и он сам, легок на помине. В дверном проеме вальяжно облокотившись на косяк замер лейтенант братской армии в добротном натовском камуфляже и импортных берцах на микропоре.

– Э, братишка, ты тут компьютер сдаешь?

– Ну, я. И что? – вяло протянул Лешка, уныло оглядев свое выдавшее виды х/б «для войны на цементных заводах». Офицеры полигона искренне удивлялись в свое время, где начесть достал хэбэшки грязно белого цвета, кто и для чего вообще их изготовил. Удивлялись, но получали исправно – ходить то в чем-то надо. Теперь же на фоне казахского «рейнджера» Лешка в этом х/б ощущал всю свою убогость и злился.

– Слышь, брат, – в упор не замечая недоброжелательного отношения сдатчика продолжил казах. – В нем же золото есть, серебро там, платина, да?

– Все есть, формуляр бери смотри, да! Там все и написано, читать умеешь, нет? – передразнивая легкий акцент казаха, окрысился Лешка.

Принимающий на издевку обратил не больше внимания, чем на жужжание пролетевшей мимо мухи и жадно схватил протянутый формуляр. Несколько минут он его усиленно листал, морща лоб и напряженно шевеля губами. Потом разочарованно и вместе с тем удивленно посмотрел на Лешку.

– Э, что так мало, да?

– А ты чего хотел? – в свою очередь удивился капитан. – Думал, он из целого куска золота вырублен? Старика Хоттабыча перечитай, деятель.

– Э, плохой компьютер, не буду принимать. Пойду лучше мебель приму, да!

И раньше, чем Лешка успел сообразить, что имеет в виду приемщик, казах испарился из кабинета.

Вечером Лешка в компании офицеров отдела вышел из здания Управления. Рабочий день окончен, компьютер так и не сдан, да и черт с ним, до завтрашнего утра все служебные заморочки можно честно выкинуть из головы. Мимо, обдав офицеров облаком сгоревшей соляры, пронесся армейский Урал с казахскими номерами. В кузове топорщилась мешанина из столов, стульев и шкафов, виднелись на лакированных досках трафареты с номером войсковой части. Рядом с водителем в позе гордого степного орла восседал давешний приемщик.

– Куда это они? – озадаченно проводил взглядом мчащуюся на всех порах машину Лешка.

Начальник испытательного отдела еще не старый, но рано поседевший полковник зло сплюнул под ноги.

– Куда, куда... На базар на продажу. Весь день принимал, урод, свое национальное имущество – теперь продать торопиться.

Да, Лешка, так то оно верней, чем золото из компьютера выплавить, тебе бы и в голову не пришло, а?

В таком же духе прием продолжался несколько месяцев. Полигон на глазах из сверкающего чистотой, функционирующего как часы механизма проведения испытательных работ превращался в никому не нужные развалины. С корнем вырывали и сдавали на цвет. мет. питающие кабели, обесточивая целые площадки. Выбивали стекла, снимали полы, выдергивали рамы – растаскивали, и тут же продавали все, что имело хоть какую-то ценность. Правда, надо отдать должное, в ведомостях приема расписывались исправно. Ставился штамп «принято», и нормальное жилое здание в считанные часы превращалось в руины, которые очень хорошо бы вписались в ландшафт Сталинградской битвы.

* * *

И вот наступил последний день. Локомотив зло рыкнул гудком, лязгнули, будто примериваясь, колеса и уверенно отсчитали первый такт движения. Эшелон тронулся. Ласковое осеннее солнце гладило лица, торчавшие из окон плацкартных вагонов. Совсем рядом сияли белизной пятиэтажки жилой зоны, можно было найти свои окна, ведущие в квартиру, где столько пережито, хорошего и плохого, будней и праздников, радости и горя, в квартиру в которую ты уже не войдешь никогда. Над вагонами взлетала переделанная афганская песня:

Прощайте степи, вам видней
Какую цену здесь платили,
Какие пуски проводили...

В тамбуре у открытой настежь двери размазывал по щекам пьяные слезы прапорщик Касымбаев. Коренной казах, всю жизнь проживший в Казахстане, никогда оттуда не выезжавший, теперь он ехал в далекую, неизвестную и загадочную Россию, ехал навсегда.

– Такую страну просрали, сволочи, – тихо шептал Касымбаев грозя кулаком кому-то невидимому в небесах, добавляя дикую смесь из казахских и русских ругательств.

Прапорщик ехал на свою новую родину. И вместе с ним ехали несколько сотен других прапорщиков и офицеров. Они возвращались домой, еще не зная, что их там ждет, со страхом и надеждой глядя в будущее, с печалью и сожалением вспоминая о прошлом.

Как-то ты встретишь их, Россия?

И о чем-то грустит наш седой командир.
Мы уходим. Уходим... Уходим... Уходим.

P.S. от автора: Рассказ не строго документален, многие типичные факты и явления умышленно преувеличены, хотя суть от этого не меняется.

Не хочу чтобы меня считали расистом, вроде бурята Якимова и заранее приношу свои извинения моим друзьям казахам и еще многим представителям этого народа, которые были и есть вполне приличными парнями и хорошими товарищами. Однако именно в том месте и в то время, которое описано, большинство окружавших нас казахов действительно вели себя так, как в моем рассказе.

Смерти вопреки

Кузьмич был старым матерым подполковником, начальником группы испытательной базы. Имел в подчинении пятерых офицеров и два десятка солдат. Солдаты жили на третьем этаже казармы в просторном отдельном помещении со всеми положенными атрибутами – туалетом, умывальником, спальным расположением, канцелярией и комнатой психологической разгрузки. Офицеры жили где придется: кто в общежитии, кто на съемной квартире, кто в той же канцелярии, государство считало что они уже никуда не денутся, в отличие от солдат, которые время от времени устраивали побеги из части, поэтому особо заботится об их быте не стоит. Объединяло эти две столь разные категории одно – и над теми, и над другими безраздельно властвовал Кузьмич, или как они его называли между собой «Кузьмич, на». Прозвище образовалось от привычки подполковника к месту и не к месту вставлять в свою речь вышеуказанный предлог. К примеру, при входе в расположение группы, Кузьмич обращался к дневальному проспавшему его появление следующим образом:

– Солдат, на..., ты чего, на...? Не видишь, на..., что я прибыл на...!

Вот так и повелось, что иначе как «Кузьмич, на» подполковника никто не называл. Но только за глаза. В глаза не решались, ибо вид Кузьмич имел весьма внушительный. Погрузневшая, но еще налитая силой фигура тяжелоатлета, при росте под два метра и вечно суровом выражении совершенно не сентиментальной физиономии мгновенно сообщали всем окружающим, что с данным индивидуумом обращаться необходимо крайне осторожно и в высшей мере почтительно. Бойцы вообще боялись его как огня, хотя при этом никто не знал случая, когда Кузьмич хоть пальцем тронул солдата. Что уж греха таить, в нашей Великой и Могучей Российской Армии не так уж и редко какой-нибудь особо наглый, или бестолковый боец может словить зуботычину не только от дедов-беспредельщиков, но и от своего отца-командира. Офицера в этой ситуации вполне понять можно – такой призывной контингент идет, просто чума. Мой комбат в училище строил нашу батарею и вполне серьезно спрашивал: «Вас что, во время ментовской облавы откуда-то из притонов извлекли и на мою голову учиться прислали?», а комдив иначе как «будущие обитатели государственных тюрем и концентрационных лагерей» нас никогда и не звал. Посмотрели бы они, давно ушедшие на заслуженную пенсию, хоть одним глазком на тех, кто сейчас приходит служить в нашу часть. Наркоманы, алкоголики, бывшие беспризорники, психи, просто заторможенные дебилы – вот она нынешняя угроза НАТО. А офицер, он тоже живой человек, и нервы у него не из титановых тросов свиты, легко сорваться может. А тут еще неизвестно кем выдуманное, но истово ненавидимое всеми кому приходилось работать с личным составом единоначалие. Даже Иосиф Виссарионович в свое время считал, что сын за отца не отвечает и наоборот соответственно. А в нашей Краснознаменной никого не удивляет, что офицер несет полную ответственность даже не за сына, а за призванного на два года придурка, который в свои восемнадцать лет уже прошел на гражданке огонь, воду и медные трубы.

Но вернемся к Кузьмичу, он отличие от многих коллег имел свой собственный патентованный метод воспитания солдат. Он вполне укладывался в общую концепцию, проповедуемую замполитами, но от этого не становился менее эффективным. Метод назывался «беседа». Беседовал Кузьмич с провинившимся бойцом после отбоя в своей канцелярии, тут уж ничего не попишешь – у командира отдельного подразделения забот по горло, так что в светлое время суток ни минуты выкроить для разговора он не мог. Итак, после отбоя, накосячивший боец, наглаженный и начищенный как на парад по стойке «смирно» замирал перед сидящим за столом Кузьмичем, и мероприятия начиналось. Тихо и монотонно, никто ни разу не слышал, чтобы Кузьмич повышал голос, вставляя через слово смачное «на...» подполковник подробно объяснял бойцу, в чем конкретно тот был не прав. Такое объяснение, даже по незначительному

проступку, вроде курения не там где надо, занимало минимум час. За это время солдат впадал в состояние близкое к полному отупению и гипнотическому трансу. Он уже согласен был трижды признать себя виновным по всем пунктам обвинения, соглашался с тем, что совершил немыслимое по своей тяжести преступление и был готов нести любое наказание, лишь бы кончился этот монотонный обличающий голос. Но так легко отделаться не удавалось никому. После разбора и описания проступка следовала вторая часть беседы. В этой части солдат подробно расспрашивался о семье, школе, жизни на гражданке. И в результате несчастному как дважды два доказывалось, что он просто неблагодарная свинья, о которой всю жизнь заботились изо всех сил, а в результате получили, к примеру, грязный подворотничок на утреннем осмотре. Эта часть беседы длилась от двух до четырех часов. К мукам совести прибавлялась принудительная бессонница и солдат уже не знал куда деться и мучительно сожалел о содеянном. Наконец с вопросом: «Ну теперь ты все понял, на?», на который неизменно следовал горячий утвердительный ответ, душа отпускалась на покаяние. Счастливый и свободный солдат пулей летел к своей койке, чтобы наконец-то слиться с ней в полном экстазе. Но радость его была преждевременна. Поразмыслив минут 15–20 над проведенной беседой, Кузьмич находил новые аргументы, которыми ему не терпелось воспользоваться, тогда дневальный поднимал недавнего счастливца и вновь препровождал его в канцелярию. Таких заходов за ночь обычно бывало несколько. В особо серьезных случаях беседа могла продолжаться несколько ночей подряд, Кузьмич находил время днем, чтобы вздремнуть, одновременно бдительно следя, чтобы его примеру не последовал объект воспитания. Даже самый стойкий боец ломался после нескольких ночей подобной воспитательной работы, совершенно отупев от бессонницы, он сам приносил Кузьмичу припрятанную водку или анашу, писал сам про себя объяснительные о том где и как ущемлял младший призыв. Короче ударно каялся во всех грехах, лишь бы с ним прекратили беседовать. Так что ничего удивительного в том, что Кузьмича как огня боялись солдаты и даже молодые офицеры не было. Эта предыстория и послужит прологом к удивительной повести о победившей саму смерть гордой птице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.